СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ
SOCIOCULTURAL TENDENCES OF THE MODERNITY

УДК 821.161.1

Г.Н.БОЕВА, *канд. филол. наук, профессор, g_boeva@rambler.ru*
Невский институт языка и культуры, Санкт-Петербург

G.N.BOEVA, *PhD in philol., professor, g_boeva@rambler.ru*
Nevsky Institute of Language and Culture, Saint Petersburg

РОЛЬ ЧИТАТЕЛЯ В ПЕРЕСМОТРЕ СТАТУСА КЛАССИКА

Статья представляет собой анализ современной социокультурной ситуации с точки зрения взаимоотношения читателя и автора на примере явлений отечественного литературного процесса.

Ключевые слова: читатель, рецепция, классика.

THE ROLE OF THE READER IN REVISION OF THE CLASSIC'S STATUS

This article represents the analysis of contemporary cultural and social situations from the point of view of the relations between the reader and the author based on the example of the Russian literary process phenomena.

Key words: reader, reception, classics.

Современная социокультурная ситуация требует коррекции статуса «литературной классики», которая ныне представляет собой лишь один из уровней, а не «ядро» литературы. Потеря классикой функции ценностно-нормативного центра, безусловно, отражает смену культурной парадигмы: от жестко структурированной и транслирующей – к постмодерной, принципиально антиидеологической. Первая предполагает центростремительное движение – к поиску смысла; вторая – движение центробежное, направленное на приращение смысла [2]. Поскольку объективного содержания, подлежащего трансляции, в произведении теперь «не предусмотрено», а производит, «приращивает» его читатель, то роль последнего радикально меняется. Он превращается в со-творца, по Р.Барту, «заново пишет текст».

Функция читателя в литературном процессе, в том числе в цепочке «издатель – автор – критик – читатель», давно уже стала объектом литературоведения – от «рецептивной эстетики» 60-х (В.Изер, Г.Р.Яусс, П.Шонди) до современной социологии литературы [5]. Приверженцы «рецептивной эстетики» лишь проблематизировали то, что было так или иначе ощутимо начиная с античности, а именно, диалогическую природу художественного произведения, его принципиальную

незавершенность. Любой текст может состояться лишь в эстетическом акте его восприятия. С особенной очевидностью все это воплощено в переменчивости статуса «классика», который, не без участия читателя, сильно видоизменился.

Как показал Б.Дубин, само понятие «классика» в значении «литературный образец, имеющий ценность *для* всех», – возникло недавно: оно есть достояние буржуазно-демократического XIX в., когда актуализировалось само понятие *все* [3]. «Кризис классики», столь очевидный в настоящем, стал ощутим уже к концу XIX в., на переходе к «модерному» обществу и «модерной» культуре, когда литературный процесс раздробился на бесчисленные «измы». Изменился и потребитель литературной продукции: с одной стороны, читательская аудитория стратифицировалась, а с другой, возник феномен «массовой культуры». Все это размыло эстетические критерии и сами границы литературы, проблематизировало репутацию величавого «классика». Возникли новые кумиры – «модный автор», а в современной ситуации – «культовый писатель», «автор бестселлера» [4, с.92]. Сущность перечисленных статусов невозможно уяснить без учета моделирующей роли читателя, поскольку мы вступаем в зону, определяемую его пристрастиями.

Новая культурная ситуация рубежа XIX-XX вв. ставит под сомнение классику как «норму», предполагая условность любых норм в принципе и отсутствие монополии на эстетику. Как следствие, эстетическая значимость восприятия текста возрастает: текст теперь напрямую соотносится с воспринимающим, активным сознанием субъекта, наделенным способностью «вчитывать» смысл.

Интересно, что в «модерной» культуре само нарушение нормы расценивается как эстетический факт – наиболее успешными становятся писательские стратегии, выстраиваемые как намеренно скандальные, сенсационные. Заметим, что механизм формирования «литературного культа», зародившегося одновременно с фигурой «модного автора», не выводится из одних только индивидуальных качеств автора или производимых им текстов – гораздо важнее отношения, в которые они вступают с культурной средой и в которые с ними вступает читатель. Одной из популярнейших практик «модерной» культуры становится «практика шока», современная же ситуация постмодерна лишь доводит до предела этот прием, делает его массовым. Установка на шок – демонстрация разрыва коммуникации, а классика как воплощенная норма именно и предполагает коммуникацию (культурную трансмиссию).

Чтобы развить приведенные положения, спроецируем все сказанное на ситуацию отечественного литературного процесса рубежа XIX-XX вв. Первое, что привлекает внимание, – ревизия «института классики», а заодно и «института критики» с его охранительной и нормирующей функцией. Классикоцентричность в виде почитания литературы уходящего «золотого века» становится уделом школы. Современный же литературный процесс эпохи fin de siecle представляет собой экспериментальное поле, где каждый творец реализует свою собственную эстетическую программу, часто нацеленную на демонстративный коммуникативный разрыв. Примечательно, что на такой разрыв с традицией в собственном же лице идет единственный бесспорный из «живых классиков» рубежа веков – Л.Н.Толстой, отказавшийся от прежнего творчества и перешедший на новые эстетические позиции. Между прочим, именно Толстой своей «Крейцеровой сонатой» (1889) парадоксальным образом встал у истоков так называемого «порнографической литературы» начала XX в. О.Матич, определяя Толстого как раннего модерниста, даже утверждает, что вовсе не романное творчество, а именно эпатажная «Крейцерова соната» принесла русскому писателю всемирную славу [6].

Вторая примета кризисности культурной ситуации рубежа веков – появление фигуры «модного автора», слава которого (выражаемая в таких весьма материальных параметрах, как тиражи, гонорары и проч.) едва ли не затмевает славу «живых классиков» [7]. На роль «модного автора» в то время вполне могли претендовать М.Горький, Л.Андреев, К.Бальмонт, И.Северянин и другие писатели и по-

эты, в одночасье ставшие феноменально знаменитыми и востребованными отечественным читателем. Примета «модного статуса» – быстрая смена другим авторитетом, и стихийность этой смены, не подвластная рациональному осмыслению, во многом объясняется бесцеремонными законами рынка и прихотливостью читательского выбора.

«Случай Андреева», вообще показательный для демонстрации многих литературных и социологических процессов переходного времени, весьма нагляден как случай прямой зависимости «модерного» автора от читателя. Так, в годы, когда пик его популярности остался позади, охлаждение читателя переживается им как внутренняя драма, источник постоянной мучительной рефлексии. Андреев был исключительно озабочен критическими отзывами о себе: он фиксировал их в больших альбомах, приклеивая вырезки в хронологическом порядке. Кровную связь с читателем Андреев ощущал как экзистенциальную писательскую проблему, и его дневники и письма полны рассуждениями о взаимоотношениях с читателем. За год до смерти писатель признается в своем дневнике: «…писать <…> почти невозможно: так давит читатель» [1, с.40-41]. Добавим, что сложное, амбивалентное отношение андреевского творчества к классической традиции (хотя бы на примере его скандально знаменитой «Бездны» (1901), «побочной дочери» «Крейцеровой сонаты», по его же словам) – предмет постоянного обсуждения в критике рубежа веков.

Итак, произошедшее в начале эпохи модерна возвышение фигуры читателя имело безусловную связь с такими социокультурными явлениями, как проблематизация роли классики, утратившей позицию центрообразующего начала культуры, пересмотр литературной иерархии, выработка новых механизмов взаимодействия «высокого» и «низкого» в искусстве. Современная ситуация культурного плюрализма в большой степени является экстраполяцией тенденций, обнаруживших себя на рубеже XIX-XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев Л.Н.* Дневник (1914-1919): Заметки личного характера, для себя // Л.Андреев. S.O.S.: Дневник (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). М.; СПб., 1994.

2. *Генис А.* Вавилонская башня: Искусство настоящего времени: Эссе. М., 1997.

3. *Дубин Б.* Институт литературы и фигуры писательского авторитета: классик – звезда – модный автор – культовая фигура // Материалы круглого стола «Классик, современный классик, культовый автор, модный писатель...» // Русский журнал. 29.06.2007 // http://www.bigbook. ru/ articles/detail.php?ID=3033 (дата обращения 15.05.2011).

4. *Дубин Б.* Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: Сб. статей. М., 2010.

5. *Ковылкин А.Н.* Читатель как теоретико-литературная проблема: Дис.... канд. филол. наук. М., 2007.

6. *Матич О.* Лев Толстой как модернист // О.Матич. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.

7. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

REFERENCES

1. *Andreev L.* Diary (1914-1919): Personal notes, for myself // Leonid Andreev. S.O.S.: Diary (1914-1919); Letters (1917-1919); Articles and interviews (1919); Memoirs of contemporaries (1918-1919). Moscow; Saint Petersburg, 1994.

2. *Genis A.* The Tower of Babel: Contemporary art: Essay. Moscow, 1997.

3. *Dubin B.* The institute of literature and the literary authority figures: classic – star – fashionable author – iconic figure // Content of the roundtable discussion «Classic, modern classic, iconic author, fashionable writer...» // Russian journal. 29.06.2007// http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=3033

4. *Dubin B.* Classics, behind and next: Sociological essays on literature and culture. Collection of articles. Moscow, 2010.

5. *Kovylkin A.* The reader as the problem of theoretical literature: PhD dissertation. Moscow, 2007.

6. *Matich O.* Leo Tolstoy as a modernist // O.Matich Erotic utopia: a new religious consciousness and fin de siècle in Russia. Moscow, 2008.

7. *Reitblat A.* From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature. Moscow, 2009.